

ЛЕОНИД АРОНЗОН

Евгений Звягин

В ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Не всякий человек достоин закрепленных на бумаге воспоминаний. Жизнь, руководимая истинным чувством меры, разумом, неподвластным мелкому личному или общественному расчету, уже назавтра затирает шершавым своим мастерком даже заметные имена; одновременно с тем, судьбы, казалось бы, при жизни не очень заметные, — остаются в ее истории надолго, если не навсегда.

Большинство публикаций Леонида Аранзона приходится уже на время, прошедшее со дня его смерти. Но что это за публикации? Детские стихи, самодельные карикатурки... Одним словом та, пусть, иногда, и высококачественная шелуха серьезной умственной работы, которая, именно в силу своей легковесности прошла редакторское сито, Аранзона почти никак не характеризует. Так и большой писатель, каким был Хармс, предстает перед нами по публикациям в венокке детолюбца и милописца.

Должен оговориться. Я не считаю Аранзона, подобно его чересчур пылким почитателям, величайшим поэтом всех времен и народов. Но и малоодаренным его, подобно недругам, не считаю. Блеск литературной игры, разнообразная уместность версификации, вкус к оригинальному эксперименту, пусть не всегда безошибочному, были присущи его поэзии в полной мере. И, пожалуй, главное, хоть и недоказуемое, как всякая, ~~как~~ чувственная истина, ощущение — во многих стихах его содержалась та магия, по которой узнаешь поэта.

Аранзон принадлежал, если можно так выразиться, к старшему поколению молодых ленинградских поэтов /я говорю о поэтах, а не о кон'юктурно ориентированных рифмачах,

различных невооруженным глазом/. Это было, пожалуй, локальное, и вместе с тем дерзновенное, первооткрывающее течение в ленинградской, да и общероссийской поэтической культуре начала шестидесятых годов. Все они начинали свой духовный путь практически с нуля, и оттого чаще ошибались и были более эклектичны, чем идущие вслед за ними, но отличались цельностью натуры. Последнее, впрочем, иногда оборачивалось и против них. Так было с С.Ш. и так случилось с Леонидом, характер которого, по-моему, определяло в большей степени, чем у остальных, мужское, негибкое, и, при крайнем своем выражении, менее жизнеспособное начало.

Кто эти люди? Блистательный Бродский, утонченный Бобышев, поэты Найман и Рейн... Все эти люди, начинавшие вместе, впоследствии разошлись. И Аронзон остался один — в окружении скорее художников, чем поэтов.

Его облик запоминался. Короткая стрижка, рыжеватая курчавая борода, некогда сломанный, горбатый, и оттого скорее римский, чем иудейский, упрямый нос. Несколько все это напоминало итальянские бронзовые бюсты времен Челлини. Леонид картавил и гундосил, но в его голосе было даже что-то величавое, особенно когда он читал свои стихи — все ударные звуки вылеплялись со звоном, напоминающим звук клавиесина.

Помню его приход в кофейню на углу Литейного и Невского, в миру прозванную "САЙГОН". Помню, как притулившись у зарешеченного частым осенним дождичком окна, поставив чашку с кофе на исцарапанную плоскость стола, Леонид разговаривал с М.Ю. Тот только что прочитал ему свои стихи и Леонид высказывал свое мнение:

— Нет, Миша, это не поэзия...

- А что же, по-твоему, поэзия? - спросил уязвленный автор.

- Я лучше скажу, почему не поэзия. Ты, Миша, слишком кайфуешь, когда пишешь. Слишком тебя завораживает сам процесс писания стихов. Отдаешься ритму, возможностям лексики. И незаметно для тебя стих обрастает бесконтрольными смыслами /в подтверждение Леонид процитировал что-то из прочитанного М.Ю./.

- Не знаю, не знаю, - отвечал М.Ю. с довольно кислым выражением лица. - Тебе-то легко дается твое олимпийство - не бегаешь, как я, в поисках рубля...

- Достойное возражение - усмехнулся Леонид, и в его усмешке проступила легкая уязвленность. - Но при чем здесь поэзия?

Потом Леонид стал читать сам. Он прочел стихотворение, показавшееся мне неудачным. Слишком уж оно было личным, злободневным, к общему строю поэзии Аронсона неподходящим. Предусотрия его проста.

То было время, когда от Леонида отступился, и отступился с заглазным поношением, - его ученик. И приход Аронсона в кафе, - местечко, вообще-то не очень уважаемое им, воспринималось как формальный дипломатический акт - вроде объявления войны, ибо он и мне, и М.Ю. - был еще кто-то, - прочитал стихи злые и презрительные в адрес ученика. Но в интонациях голоса, читавшего ~~этих~~ стихотворение, в усталой желтизне лица, в самом факте прихода в Сайгон, - чувствовались усталость и сердечная боль, одолевавшие Леонида.

То было преддверие его гибели. Прожил он с тех пор год или немного более, точно не помню, но, твердо могу сказать, -

весь этот год его сердце разъедало чувство покинутости и непризнания. Это чувство, видимо, стало его альтер эго, вторым "я", медленно убивавшим первое, лучшее, — болезнью, которую, впрочем, он ни разу из гордости не позволил себе выказать.

Вернее — всего лишь раз.

Когда я узнал о его самоубийстве где-то в горах Средней Азии — то, по правде сказать, первой моей мыслью было: "Так я и знал!" Ведь именно в последний год его жизни наладилось между нами неглубокое, но уважительное знакомство, которое и обогатило меня и обострило предчувствие трагического финала.

Приближение его гибели ощущалось в последний год — то в несколько неуверенном, полном горечи фанфаронстве, то в сумрачной окраске, — впрочем, зачастую глубоких — высказываний, то в дрогнувшем тембре голоса. Помню, однажды он привел меня к абстракционисту-художнику — Евгению Михнову. Старый, тяжелый, дикий — Михнов грубил Леониду, то ли по праву сложившихся отношений, то ли из давно усвоенного принципа, то ли от недавней обиды. Последнее — маловероятно, ибо декоративными полотнами Михнова была увешана в то время вся аронзоновская квартира. Меня, привыкшего заочно относиться к Леониду с большим уважением, поразили терпение и покорность, с которыми он выслушивал мрачные колкости своего друга при мне, постороннем. Для него, человека очень самолюбивого, такая ситуация должна была быть большим испытанием.

Итак, в личном плане его самовольный уход не может быть рассматриваем как случайный. Но в жизни и гибели каж-

дого мало-мальски значительного человека есть нечто символическое, нечто обусловленное всеобщим. И в гибели Аронсона, мне кажется, есть следы подобной обусловленности.

В этой связи я хочу прямо и откровенно сказать о судьбе русского литератора, родом еврея, в нынешней исторической ситуации. В силу собственной принадлежности к этому нелегкому племени, я много раздумывал на эту тему.

Тот, кто чувствует себя сперва русским литератором, а уж потом иудеем, часто изматывает себя в бесконечном боении природы и культуры, стихийных родовых принципов и благоприобретенных нравственных ценностей, чрезвычайно обостренно переживаемых, недоверчивое отношение друзей и подозрительность властей. Путь трудный. Но, судя по некоторым примерам, преодолимый.

Прошло уже несколько лет со дня его смерти, и многое стерлось в памяти. Помню, у Леонида дома мы говорили о "Моби Дике". Он сравнивал эту книгу с библией. По-видимому, нравился ему в этом романе тот ветхозаветный размах, который так роднит протестанское сознание с иудейским.

Он был остроумен, энергичен и грубоват. Грубость его, впрочем, была приятна — она носила отчасти, улично-урбанистический, и вместе с тем артистичный характер. Чувствовалась в ней та демократическая окраска, которая в творчестве многих нынешних литераторов авангарда весьма рельефна.

Вспоминаются мелочи: его портативная машинка "Мерседес". Он отдал перелить шрифт на крупный, и с трудом привыкал к нему, жалуясь на его обезличенный, "приказной" вид. Маленькая гладкошерстная собачонка, встречающая гостей громким возбужденным лаем. Глухая, без окон, комнатка, завешанная и заваленная картинами его друзей.

Напоследок расскажу, как я увидел его впервые. Это было в маленьком кафе на Полтавской улице, где с официального разрешения /сейчас это кажется несколько "старым добрым временем"/ собирались поэты. В тот день сюда пришел читать свои стихи и Аронзон. Были: Кривулин... Кривулин и еще кто-то из хороших поэтов. На расчищенную площадку рядом с огромной бело-синей китайской вазой вышел спортивно сложенный, с короткой стрижкой и горбатым носом человек лет двадцати пяти и сказал: Я прочту поэму "Прогулка". И вот, сквозь звяканье ножей и вилок, раздался голос поэта, — мелодичный и полный, напоминающий звучание старинного камерного ансамбля.

После чтения из-за столиков поднимались поэты, произносили слова признательные и благодарные... Как разительно отличался этот вечер от другого, посмертного, где выступал литературовед Вацуро и профессиональные актеры, запинаясь на слове "пах", с комичным достоинством читали его стихи.. Было очень много народу, но не было самого поэта — Леонида Аронзона.

119

ПАВЛОВСК

Уже сумерки, как дожди.
Мокрый Павловск, осенний Павловск,
облетает, слетает, дрожит,
как свеча оплывает,
о август,
сохранишь ли меня, как трава
схороняет опавшие листья,
или мягкая лисья тропа
приведет меня снова в столицу?

В этой осени желчь фонарей,
и плывут, окунаясь, плафоны,
так явись, моя смерть, в октябре
на размытых, как лица, платформах,
а не здесь, где деревья- цари,
где царит умирание прели,
где последняя птица парит
и сползает, как лист, по ступеням,
и ложится полуночный свет
там, где дуб, как неузнанный сверстник,
каждой веткою бьется вослед,
оставаясь, как прежде, в бессмертии.

Здесь я царствую, здесь я один,
посему, разыгравшийся в лицах,
распускаю себя, как дожди,
и к земле прижимаюсь, как листья,
и дворцовая ночь среди гнезд
расточает медлительный август
бесконечным падением звезд
на открытый и сумрачный Павловск.

1961

Лицо- река, о набережных плеск,
 вся эта ночь, как памятник, бессонна,
 и осень, обнаженная как крест,
 срывается на мокрые газоны.

А я- изгой, река моя во мне,
 скользит по ребрам, ударяя в душу,
 и мост уже не мост, не переезд,
 а обморока длинный промежуток.

Срывая плащ, подрагивает мост,
 и фонари предутренние ранни,
 я подниму лицо свое как тост
 за самое высокое изгнание

в поэзию, а тучи в облаках
 к над-берегу сбиваются и тонут,
 и тихая шевелится река,
 и мост над ней, как колокол, изогнут.

Звени, о мост, мой колокол, мой щит,
 соломинка моя, моя утрата,
 когда кричу я, осенью распятый,
 как страшно мне и горестно не жить.

1961

ПЕСНЯ

Ты слышишь, шлёпает вода
 по днищу и по борту вдоль,
 когда те двое, передав
 себя покачиванью волн,

лежат, как мертвые, лицо
 покою неба обратив,
 и дышит утренний песок,
 уткнувшись лодками в ~~нижние~~ тростник.

Когда я, милый твой, умру,
 пренебрегая торжеством,

пренебрегая торжеством,
оставь лежать меня в бору
с таким, как у озер, лицом.

1963

+ + +

ПОСЛАНИЕ В ЛЕЧЕБНИЦУ

В пасмурном парке рисуй на песке мое имя, как при свече
и доживи до лета, чтобы сплести венки, которые унесет ручей.
Вот он петляет вдоль мелколесья, рисуя имя мое на песке,
словно высохшей веткой, которую ты держишь сейчас в руке.
Высока здесь трава, и лежат зеркалами спокойных небыстрых небес
голубые озера, качая удвоенный лес,
и вибрируют сонно папиросные крылья стрекоз голубых,
ты идешь вдоль ручья и роняешь цветы, смотришь радужных рыб.
Медоносны цветы, и ручей пишет имя ~~твое~~ мое,
образуя ландшафты: то мелкую заводь, то плес.
Да, мы здесь пролежим, сквозь меня прорастает, ты слышишь, трава
я, пришитый к земле, вижу сонных стрекоз, слышу только слова:
может быть, что лесничество тусклых озер нашей жизни итог:
стрекотанье стрекоз, самолет, тихий плес и сплетенье цветов,
то пространство души, на котором холмы и озера, вот кони бегут,
и кончается лес, и роняя цветы, ты идешь вдоль ручья по сырому
песку,
вслед тебе дуют флейты, рой бабочек, жизнь тебе вслед,
проводя тебя, все зовут, ты идешь вдоль ручья, никого с тобой
нет,
ровный свет надо всем, молодой от соседних озер,
будто там, вдалеке, из осеннего неба построен высокий и светлый
собор,
если нет его там, то скажи, ради Бога, зачем
мое имя, как ты, мелколесьем петляя, рисует случайный небыстрый
и мутный ручей,
и читает его пролетающий мимо озер в знойный день самолет.
Может быть, что ручей— не ручей, только имя мое.
Так смотри на траву, по утрам, когда тянется медленный пар,

рядом свет фонарей, зданий свет, и вокруг твой безлственный
 парк,
 где ты высохшей веткой рисуешь случайный, небystрый и мутный
 ручей,
 что уносит венки медоносных цветов, и сидят на плече
 мотыльки камыша, и полно здесь стрекоз голубых,
 ты идешь вдоль воды и роняешь цветы, смотришь радужных рыб,
 и срывается с нотных листов от руки мной набросанный дождь,
 ты рисуешь ручей, вдоль которого после идешь и идешь.

1964

+ + +

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ "КАЧЕТИ"

Утратив задушевность слога,
 я отношусь к писанью строго
 и Бога светлые слова
 свяую, дабы тронуть Вас
 не созерцаньем вечной пытки
 иль тяжбы с властью и людьми:
 примите си труды мои
 как стародавнюю попытку
 витыми тропами стиха,
 приняв личину пастуха,
 идти туда, где нет погоды,
 где только Я передо мной,
 внутри поэзии самой
 открыть ~~качественную~~ гармонию природы
 .....

Эрлю

Мы- судари, и нас гоня
 брега расступятся как челядь,
 и горы нам запечатлеют
 скачки безумного коня,
 И на песок озёрных плесов,
 одетый в утренний огонь,
 прекрасноликий станет конь,
 внимая плеску наших весел.

1965

Я, выгнув мысль висеть подковой,
 живое всё одену словом,
 и, дав учить вам наизусть,
 сам в кресле дельты развалиюсь.

1965

В часы бессоницы люблю я в кресле спать
 и видеть сон, неотличимый
 от тех картин, что наяву мной зрими,
 и, просыпаясь, видеть сон опять:

старинное бюро, свеча, кровать,
 тяжелый стол, и двери, а за ними
 в пустом гробу лежит старуха вини /?/-
 я к ней иду, чтоб в лоб поцеловать.

Однако ночь творит полураспад:
 в углу валяется забытый кем-то сад,
 томя сознание, падает паук,

свет из окна приобретает шорох,
 лицо жены моей повернуто на юг,
 и всё в печали- нет уже которой.

1966

БЕСЕДА

Где кончаются заводы,
 начинаются природы.
 Всюду бабочки лесные-
 неба легкие кусочки-
 как трепещут эти дочки,
 что обычная тоска
 неприлична и низка.
 Стадо божьих коровок
 в многи тысячи головок
 украшает огород
 и само себя пасет.
 Обернувшись к миру задом

по привычке трудовой,
 ходит лошадь красным садом,
 шею кончив головой.
 Две коровы сходом Будд
 там лежат и там и тут.

ОЛЯ:

На груди моей тоски
 зреют радости соски,
 присосись ты к ним навеки,
 чтоб из них полились реки!
 Чтоб из рек тех тростники
 и цветы в мошке и осах
 я б срывала на венки
 для себя длинноволосой.

АЛЬТШУЛЕР:

Чересчур, увь, печальный,
 я и в радости угрюм,
 и в природе зрю не спальню,
 а пейзаж для чистых душ.
 К виду дачного участка
 приноровлены качели,
 станем весело качаться,
 чем грешить на самом деле.

ОЛЯ:

Где я сама к себе нежна,
 лежу всему вокруг жена,
 телом мягким, как ручей,
 обойму тебя всего я,
 и тоску твоих речей
 растворю в своем покое.

АЛЬТШУЛЕР:

О как ты весело красива
 и как красиво весела,
 И, многорукая как Шива,
 какой венок себе сплела!

*Принт. 2-м
 Рен, 1927. 8-го
 м.к.*

ОЛЯ:

Я полна цветов и речек,
на лугу зажжем мы свечек,
соберем большие стаи,
посидим и полетаем.

АЛЬТШУЛЕР:

Хоть ты заманчива для многих
и как никто теперь нага,
но не могу, другим, убогим,
я наставлять с тобой рога,
они ужасно огорчатся,
застав меня в твоей постели,
к природе дачного участка
прибиты длинные качели.
Летят вдоль неба стаи птичьи,
в глубь болот идет охотник,
и пейзаж какой-то нищий
старым дождиком приподнят.
Но по каинской привычке
прет охотник через терни,
чтоб какой-нибудь приличный
отыскать пленер для смерти.

ОЛЯ:

Я полна цветов и речек.
На лугу зажжем мы свечек.
Соберем большие стаи.
В тихом небе полетаем.

1967

УТРО

Каждый легок и мал, кто взошел на вершину холма.
Как и легок и мал он, венчая вершину лесного холма!
Чей там взмах, чья душа или это молитва сама?
Нас в детей обращает вершина лесного холма!
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
и вершину холма украшает нагое дитя!

Если это дитя, кто вознес его так высоко?
 Детской кровью испачканы стебли песчаных осок.
 Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
 Это память о рае венчает вершину холма!
 Не младенец, но ангел венчает вершину холма,
 то не кровь на осоке, а в травах разросшийся мак!
 Кто бы ни был дитя или ангел холмов этих пленник,
 нас вершина холма заставляет упасть на колени,
 на вершине холма опускаешься вдруг на колени!
 Не дитя там— душа, заключенная в детскую плоть,
 не младенец, но знак, знак о том, что здесь рядом
 Господь.

Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
 посмотри на вершины: на каждой играет дитя!
 Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
 Это память о Боге венчает вершину холма!

1966

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ "ЛЕБЕДЬ"

Благословен ночей исход
 в балеты пушкинских стихов,
 где свет, спресованный во льды
 широкой северной воды,
 еще не мысля, как извиться?
 блистает тканью белой птицы,
 и голос птицы той звуча,
 внушает мне ее печаль.
 Там я лечу, объятый розой,
 в покой украшенную позу,
 где дева, ждущая греха,
 лежит натурщицей стиха.
 Дыханье озвучив свирелью,
 над ней дитя рисует трелью
 глубокий бор, и в нем следы
 обутой в беса след беды.
 С тоской обычной для лагуны
 взирает дева на рисунок

и видит справа, там, где дверь
в природу обозначил зверь,
чья морда в мух гудящей свите
длинна, как череп Нефертити,
и разветвляются рога,
как остов древнего цветка,
там ПТИЦА-ПЛОТЬ МОЕЙ ПЕЧАЛИ,
то острова небес качает,
то к водам голову склоня,
в них видит белого коня.

+ + +

Где листья мертвенны и, тихо шевелясь,
колеблют надо мной поднятый воздух,
жеманны бабочки, стрекозы грациозны,
заполнен день гудением шмеля,
и ящерка, припавшая к песку,
еще на миг нацелена в пространство,
тяжелый жук, раздвоивший свой панцирь,
воспламеняясь, озвучивает куст.
В объеме осени парадный сей костел,
сей ровный свет, сей отраженный морем
огромный свет, и мысль моя растет,
и рядом жизнь, и нет ее со мною.
Здесь светлый день, шоссе, сгоревший лес,
меж листьев- лес, куда ни глянешь- листья,
лежи в траве, пока избыток мыслей
сведет с ума, иль просто надоест.

О как просторна осень в светлый день
в осиннике, в высоком листопаде,
так вот итог! так что же ты утратил
и что обрел, кусты рукой задев?
Какой-то день, какой-то тихий час,
ручей меж листьев и меж листьев небо,
лежи в траве и ничего не требуй,
к иной душе, к покою причастясь.

120

Вот светлый холм, подъемлющий тебя,
вот облака, спешащие так быстро,
что тени нет. Но все-таки ты выслан,
но все-таки, как осенью объят
весь этот лес, так ты объят иным
не этих мест привычным запустением,
не здесь твой сад, не здесь твои ступени
и весь твой путь, чтоб возвратиться к ним.

1966

Напротив низкого заката,
дубовым деревом запрятан,
глаза ладонями закрыв,
нарушил я покой совы,
что эту тьму приняв за ночь,
пугая мышь, метнулась прочь.
Тогда, открыв глаза лица,
я вновь увидел небеса:
клубясь, клубились облака,
светлела звездная река,
и, не петляя между звезд,
чью душу ангел этот нес:
младенца, девы ли, отца?
Глазами я догнал гонца,
но чрез крыло кивнув мне ликом,
он скрылся в темном и великом.

I

1967

На небе молодые небеса,
и небом полон пруд, и куст склонился к небу.
Как счастливо опять спуститься в сад,
доселе никогда в котором не был.
Напротив звезд, лицом к небытию,
обняв себя, я медленно стою.

2

И снова я взглянул на небеса.
Печальные мои глаза лица

125
увидели безоблачное небо,
и в небе молодые небеса.
От тех небес, не отрывая глаз,
любуйся ими, я смотрел на вас!

1967

СОНЕТ В ИГРКУ

Альтшулеру

У вас белее нашей ночи,
а значит, белый свет белей:
белей породы лебедей,
и облака, и шеи дочек.
Природа, что она? Подстрочник
с языков неба? И Орфей
не сочинитель, не Орфей,
а Гнедич, Кашкин, переводчик?
И право, где же в ней сонет?
Увы, его в природе нет.
В ней есть леса, но нету древа:
оно— в садах небытия:
Орфей тот, Эвридики льстя,
не Эвридику пел, но Еву!

1967

Ал. Ал.

Горацио, Пилад, Альтшулер, брат,
сестра моя, Офелия, Джульетта,
что столько лет, играя в маскарад,
в угрюмого Альтшулера одета,
О, О, Альтшулер мой, надеюсь, что при этом
и я— Горацио, Альтшулер твой, Пилад,
и я— сестра твоя, одетая в наряд
слагателя столь длинного сонета.

Взгляни сюда— здесь нету ничего!
Мой друг, Офелий мой, смешить тобой легко!
Горацио моё, ты всем живая лесь,
но не смущайся: не шучу ϕ тобою—
где нету ничего, там есть любое,
святое ничего там неубывно есть.

* * *

КАЛЕНДАРЬ АВГУСТА

/из венка сонетов/

С балкона я смотрел на небеса.
 Во тьме неразличимые собаки
 небесного облаивали Пса,
 но я-то знал, что не дойдет до драки!

Под утро, что ни ночь, была гроза.
 Крестя старух, распугивая браки,
 она сверкала взорами атаки,
 садам безумным руки развязав.

Случалось, Феб промчится мимо нас,
 его лицо мелькнет на день, на час,
 и снова дождь, и снова запах сада.

Затем закат. Безветрие. Покой.
 Пророча тьму, заикают цикады...
 Была б река, мы б жили за рекой.

+ + +

С балкона я смотрел на небеса
 с возлюбленной женою Маргаритой.
 Всё небо было звездами забито,
 и нам слышны их были голоса.

Весь день прошел в каких-то полчаса:
 из-за дождя ~~ухрахи~~ утроив аппетиты,
 мы были сном безудержным убиты-
 сны ж мимолетны! спать бы до конца!

Словно петлица с розаном цветка,
 закат побыл и скрылся в облака.
 И снова Рыбы, Лебеди и Раки,
 Львы, Скорпионы, Овены, Тельцы.
 Почуяв зверя, загладели псы,
 во тьме неразличимые собаки.

+ + +

Во тьме неразличимые собаки
 пятнадцатого лаяли опять,
 и до того как начало светать,

все семь небес из труб нассали в баки.

Легко покинув праздную кровать,
я вышел в сад, пустой, дрожащий, мягкий.
День был уныл, но ежели соврать,
то весь сиял и трепетали маки.

В такую пору впору ~~были~~ бы в тепле
весь день с тобой цитировать Рабле,
но укрепив опорой десницу,

уехал я, сонет не дописав.
Что было после?— Церберы провинций
небесного облаивали Пса.

+ + +

Небесного облаивали Пса
земные псы, выказывая смелость.
Жить, умереть— все в эту ночь хотелось!
Но ночь прошла, и с ней ее краса.

Очнулся я. На мне была слеза.
Поденка у плечей моих уселась,
Поёживаясь в пруд ступилаЗос
и лилиями встретила отца.

День наступил, и был бы без конца,
когда бы солнце вдруг остановилось,
но времени покорное светило
в урочный час покинуло ~~эти~~ глаза.
Земля и небо спорили во мраке,
но я-то знал, что не дойдет до драки.

СОНЕТ ДУШЕ И ТРУПУ Н. ЗАВОЛОЦКОГО

Есть легкий дар, как будто во второй
счастливый раз он повторяет опыт.

/Легки и гибки собразные тропы
высоких гор, что подняты горой!/

Однако мне отпущен дар другой:
подчас стихи- изнеможенья шепот,
и нету сил зарифмовать Европу,
не говоря уже, что справиться с игрой.

Увы, всегда постыден будет труд,
где, хорошея, розаны цветут,
где, озвучив дыханием свирели
своих кларнетов, барабанов, труб,
все музицируют- растения и звери,
корнями душ разваливая труп!

1968

Есть между всем молчание. Одно
Молчание, одно, другое, третье.
Полно молчаний, каждое оно-
есть матерьял для стихотворной сети.

А слово- нить. Его в иглу проденьте
и словонитью сделайте окно-
молчание теперь обрамлено,
оно- ячейка невода в сонете.

Чем более ячейка, тем крупней
размер души, запутавшейся в ней.
Любой улов обильный будет мельче,
чем у ловца, посмеющего сметь
гигантскую связать такую сеть,
в которой бы была одна ячейка!

НАЧАЛО ПОЭМЫ

На небесах безлюдье и мороз,
на глубину ушло число бессмертных,
но караульный ангел стужу терпит,
невысоко петляя между звезд.

А в комнате в роскошных волосах
лицо жены моей белеет на постели,
лицо жены, а в нем ее глаза,
и чудных две груди растут на теле.

Лицо целую в темя головы,
мороз такой, что слезы не удержишь,
все меньше мне друзей среди живых,
все более друзей среди умерших.

Снег освещает лиц твоих красу,
моей души пространство освещает,
и с каждым поцелуем я прощаюсь...

Горит свеча, которую несу

на верх холма, заснеженный бугор.
Взгляд в небеса. Луна еще желтела,
холм разделив на темный склон и белый,
на левой стороне тянулся бор.

На черствый наст ложился новый снег,
то тут, то там топорщилась осока,
неразличим, на темной стороне
был тот же бор. Луна светила сбоку.

Пример сомнамбулических причуд,
я поднимался, поднимая тени,
поставленный вершиной на колени,
я в пышный снег легко воткнул свечу.

1968

Что явит лот, который брошен в небо?

Я плачу, думая об этом.

Произведением хвалебным
в природе возникает лето.

Поток свирепый водопада
 висит, висит в сияньи радуг.
 По небу расцвели ромашки,
 я их срываю, проходя.
 Там девочки в ночных рубашках
 резвятся около дождя.
 Себя в траве лежать оставив,
 смотрю как падает вода.
 Я у цветов и речек в славе,
 я им читаю иногда.
 Река приподнята плотиной,
 красиво в воздухе висит,
 где я, стреноженный картиной,
 смотреньем на нее красив.
 На холм воды почти садится
 из ночи вырванная птица,
 и пахнет небом и вином
 моя беседа с тростником.

1968

ЗАПИСЬ БЕСЕД

Чем не я- этот мокрый сад под фонарем,
 брошенный кем-то возле черной ограды?
 Мне ли не забыть, что земля внутри неба,
 а небо-
 внутри нас?
 И кто подползет под черту, проведенную
 как приманка?
 И кто не спрячется за самого себя, увидев
 ближнего своего?

Я, - ОТВЕЧАЕМ МЫ.

Ведь велико желание помешаться.
 Запертый изнутри в одиночку возвожу себя
 в сан Бога, чтобы взять интервью у Господа.
 Больно смотреть на жену: просто Офелия,
 когда она достает из прошлого века арфу,
 пытаюсь исполнить то, чего не может быть.
 Или вырыть дыру в небе.

На белые костры церквей садятся птицы,
вырванные из ночи.

Или в двуречьи одиночества и одиночества,
закрыв ладонями глаза, нарушить сон сов,
что, эту тьму приняв за ночь,
пугая мышь, метнулась прочь.

На лугу пасутся девочки, позвякивая нашейными
звонками.

Где нищий пейзаж приподнят старым
дождем, там я ищу пленер для смерти.

И ем озерную воду, чтобы вкусить неба.
Свистнув реки по имени, я увожу их вместе с
пейзажами. И ем озерную воду, чтобы вкусить
неба.

Но как уберечь твою красоту от одиночества?
Очарован тот картиной,
кто не знает с миром встречу.
Одиночества плотинной
я свою стреножу речь.
Кто стоит перед плотинной,
тот стоит с прекрасной миной:
рой брызг и быстрых радуг
низвергают водопады.

На другом берегу листвы— нет, на другом
берегу реки, в ее листве, я заметил ящерицу:
что это была за встреча!

Софья Мелвилл

Софья Рита

Софья Михнов

Софья Галецкий

Софья Данте

Софья Господь Бог

Пустые озера весов взвешивали миры и были
в равновесии.

2

/Партита №6

Партита №6

номер шесть

номершесть номершесть

197
номершестьномершестьномершесть/

или вырыть дыру в небе.

Многократное и упорное: НЕ ТО, НЕ ТО, НЕ ТО,
не то.

Многократное и упорное: ТО, ТО, ТО, то, то, то.

Смолчал: ужели я- не он?

Ужаснулся:

суров рождения закон:

и он не я, и я не он!

Лицо на нем такое, как будто он пьет им
самую первую воду.

Его рукой -

немногие красавицы могли бы сравниться с ней!-
я гладил все, как дворецкий выкрикивая имя
каждого:

гладил по голове: сердце чьей-то дочери, свое
старое, засушенное между страниц стихотворение,
голову приятеля, голову приятеля, голову приятеля.

Буквально надо всем можно было разрыдаться.

Сегодня я целый день проходил мимо одного слова.

Сегодня я целый день проходил мимо одного
слова. Уже не говорили- передавали друг
другу одни и те же цветы, иногда брали
маски с той или иной гримасой, или просто
указывали на ту, или иную, чтобы не затруднять
себя мимикой.

Но вырвать из цветка цветок

кто из беседующих мог?

И я понял, что нельзя при дереве читать стихи
и дерево при стихах,
и дерево при стихах,
и дерево при стихах.

Если бы не был он, то где бы
был его счастливый разум?

Но возможно он и не был-
просто умер он не сразу.

И если бы он где, то ~~негде~~ возле
своего сидел кургана,
где пучеглазые стрекозы
ему читали из Корана.
И где помешанный на нежном,
он шел туда, ломая сучья,
где был беседой длинной между
живую кровь любивших чукчей.
И там, где маской Арлекина
заря является в тумане,
он там, где не был, все покинул.
И умер сам, к чему рыдания?
И умер сам, к чему рыдания?
В его костях змеятся змеи,
и потому никто не смеет
его почтить засмертной данью.

5

БАБОЧКА

/трактат/

ВСЮДУ	бабочка	летит
НЕБА	бабочка	летит
СЛАВЫ	бабочка	летит
МИХНОВА	бабочка	летит
МЫСЛЮ	бабочка	летит
ЗВУКОМ	бабочка	летит
Верхом на	бабочке	летит
В виде	бабочки	летит
На фоне	бабочки	летит
На крыльях	бабочки	летит
На небе	бабочка	сидит

6

А я становился то тем, то этим, то тем,
то этим,
чтоб меня заметили,
но кто увидит чужой сон?
Я вышел на снег и узнал то, что люди узнают
только после их смерти

и улыбнулся улыбкой внутри другой:
КАКОЕ НЕБО! СВЕТ КАКОЙ!

ОСЕНЬ 1968 ГОДА

Прислонившийся к дубу дверей
вижу медь духового оркестра,
темный лак и карет и коней,
от мундиров, шелков и ливрей
здесь в саду и тревожно и тесно.
Только нет ни того, ни того,
только шум тишины листопада,
ну, да боже мой, что еще надо,
ведь иначе и быть не могло!

+ + +

ПУСТОЙ СОНЕТ

Кто вас любил восторженной, чем я?
Храни вас Бог, храни вас Бог, храни вас Боже.
Стоят сады, стоят сады, стоят в ночах.
И вы в садах, и вы в садах стоите тоже.

Хотел бы я, хотел бы я свою печаль
вам так внушить, вам так внушить, не потревожив
ваш вид травы ночной, ваш вид ее ручья,
чтоб та печаль, чтоб та трава нам стала ложем.

Проникнуть в ночь, проникнуть в сад, проникнуть в вас,
поднять глаза, поднять глаза, чтоб с небесами
сравнить и ночь в саду, и сад в ночи, и сад,
что полон вашими ночными голосами.

Иду на них. Лицо полно глазами...
Чтоб вы стояли в них, сады стоят.

1969

Вторая, третья печаль...
Благоуханный дождь с громами
прошел, по-древнему звуча-
деревья сделались садами!

Какою флейтою зачат
твой голос, дева молодая?
Внутри тебя, моя Даная,
как весело горит свеча!

Люблю тебя, мою жену,
Лауру, Хлою, Маргариту,
вмещенных в женщину одну.

Поедем, женщина, в Тавриду,
хоть я ~~иногда~~ люблю Зеленогорск,
но ты к лицу пейзажу гор.

.....

Вокруг лежащая природа
метафорической была:
стояло дерево-урода,
в нем птица, Господи, жила.
Когда же птица умерла,
собралось уйма тут народа:
—Пошли летать вокруг огорода!
Пошли летать вокруг огорода,
летали, прыгали, а что?
На то и вечер благородный,
сирень и бабочки на то!

1969

Печально как-то в Петербурге.
Посмотришь в небо— где оно?
Лишь лета нежилой каркас
гостит в пустом моем лорнете.
Полулежу. Полулечу.
Кто там полуполетит навстречу?
Друг другу в приоткрытый рот,
кивком раскланявшись, влетаем.
Нет, даже ангела пером
нельзя писать в такую пору:
"Деревья заперты на ключ,
но листьев, листьев шум откуда?"

1969

То потрепещет, то ничуть.
Смерть бабочки? свечное пламя?
Горячий воск бежит ручьями
по всей руке и по плечу.

Подняв над памятью свечу,
лечу, лечу верхом на даме.
Чтобы увидеть смерть, лечу.
Какая бабочка мы сами!

А всюду также, как в душе:
еще не август, но уже.

1970

Боже мой, как все красиво!
Всякий раз, как никогда.
Нет в прекрасном перерыва.
Отвернулся б, но куда?

Оттого, что он речной,
ветер трепетный прохладен.
Никакого мира сзади—
все что есть— передо Мной!

1970

Здесь ли я? Но Бог мой рядом,
и мне сказать ему легко:
— О, как красива неоглядность
и одиночество всего!

Куда бы время ни текло—
мне все равно. Я вижу радость,
но в том, что мне ее не надо,
мне даже снится тяжело.

Однако только рассвело,
люблю поднять я веко ока,
чтобы на Вас, мой друг, на Бога
смотреть и думать оттого:
— Кто мне наступит на крыло,
когда я под твоей опекой.

1970

Как хорошо в покинутых местах!
Покинутых людьми, но не богами.
И дождь идет, и мокнет красота
старинной рощи, поднятой холмами.

И дождь идет, и мокнет красота
старинной рощи, поднятой холмами.
Мы тут одни, нам люди не чета.
О, что за благо выпивать в тумане!

Мы тут одни, нам люди не чета.
О что за благо выпивать в тумане!
Запомни путь слетевшего листа
и мысль о том, что мы идем за нами.

Запомни путь слетевшего листа
и мысль о том, что мы идем за нами.
Кто наградил нас, друг, такими снами?
Или себя мы наградили сами?

Кто наградил нас, друг, такими снами?
Или себя мы наградили сами?
Чтоб застрелиться тут, не надо ни черта:
ни тяготы в душе, ни пороха в нагане.

Ни самого нагана. Видит бог,
чтоб застрелиться тут не надо ничего .